

Научная статья

УДК 81'42

DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-88-106

Креативная прагматика поэтического дискурса

Ольга Викторовна Соколова¹

Екатерина Васильевна Захаркив²

^{1,2} Институт языкознания Российской академии наук

Москва, Россия

¹ olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

² zakharkiv@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4732-0277>

Аннотация

Дается определение и предлагается алгоритм анализа поэтического дискурса на основании коммуникативно-дискурсивного подхода. Классифицируются подходы к изучению дискурсивных слов (маркеров). На основании анализа корпуса современной поэзии выводится классификация дискурсивных слов в поэтическом дискурсе, включающая группы метатекстовых, контекстуальных и интра- / интерперсональных единиц. Подробно анализируется специфика употребления дискурсивных слов в поэзии в сопоставлении с обыденным употреблением. Неконвенциональное функционирование дискурсивных слов позволяет выделить креативные основания поэтической прагматики.

Ключевые слова

поэтическая прагматика, дискурсивные слова, современная поэзия, лингвокреативность

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00040) в Институте языкознания РАН

Для цитирования

Соколова О. В., Захаркив Е. В. Креативная прагматика поэтического дискурса // Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 88–106. DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-88-106

© Соколова О. В., Захаркив Е. В., 2021

ISSN 2307-1737

Критика и семиотика. 2021. № 2. С. 88–106

Critique and Semiotics, 2021, no. 2, pp. 88–106

Creative Pragmatics of Poetic Discourse

Olga V. Sokolova ¹
Ekaterina V. Zakharkiv ²

^{1,2} Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation

¹ olga.sokolova@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4399-0094>

² zakharkiv@iling-ran.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4732-0277>

Abstract

The paper defines the concept of poetic discourse with reference to the communicative and discursive approach. It proposes an algorithm for the poetic discourse analysis in the linguistic pragmatic aspect. The article classifies strategies of the discourse markers analysis and emphasizes the significance of studying pragmatic units in poetic discourse. The investigation of the contemporary poetic texts allows us to develop a classification of discourse markers in poetic (and artistic) discourse. The classification consists of three groups including metatextual, contextual and intra- / interpersonal units. The paper explores the use of discourse markers in poetry in comparison with ordinary language. The aim of the study is to highlight the creative basis of poetic pragmatics underling the unconventional functioning of discourse markers.

Keywords

discourse analysis, linguistic pragmatics, linguistic poetics, discourse markers, contemporary poetry, linguistic creativity

Acknowledgements

The research is funded by grant no. 19-18-00040 of the Russian Science Foundation and is carried out at the Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences

For citation

Sokolova O. V., Zakharkiv E. V. Creative Pragmatics of Poetic Discourse. *Critique and Semiotics*, 2021, no. 2, pp. 88–106. (in Russ.) DOI 10.25205/2307-1737-2021-2-88-106

1. Поэзия в системе коммуникативно-дискурсивных координат

В середине XX в. произошли кардинальные перемены в подходах к изучению языка, что обусловлено сменой парадигмы: от структуралистской к антропоцентрической. Понятие «антропоцентрического принципа», введенное Ю. С. Степановым и развитое далее в его «философии эгоцентрических слов» [1985], основано на концепции субъективности как ме-

стоименной категории Э. Бенвениста. Для анализа поэтического дискурса также важен подход Р. О. Якобсона, который обозначил связь между грамматической формой и прагматическим функционированием единиц (теория шифтеров), что было развито им далее в теории языковых функций и в том числе поэтической функции [1975]. Направленность на исследование языковой деятельности человека была заложена в те же годы в «Философских исследованиях» (1953) Л. Витгенштейна, где происходит парадоксальное переосмысление самой сущности значения слова как «его употребления в языке» [Витгенштейн, 2018, с. 43].

Значимо также недавнее открытие в архивах Э. Бенвениста неизвестных до этого работ ученого по исследованию поэтического дискурса и поэтической модальности, реализуемой посредством уникальной лексической сочетаемости и неузуального синтаксиса¹. Среди других подходов к изучению поэтического дискурса необходимо назвать исследования немецкого лингвиста и семиотика Р. Познера, акцентировавшего особый режим «поэтического использования языка», при котором «элементы знакового материала <...> несут функцию средств передачи информации» [Познер, 2015, с. 164]. Основываясь на дискурсивно-коммуникативном подходе к поэтическому тексту, характеризующемуся доминированием поэтической функции, автореференциальностью и «авторефлексивностью» (в терминологии У. Эко), необходимо разграничить понятие естественной коммуникации как конкретной ситуации речевого общения двух и более участников и поэтической «автокоммуникации», модель которой опирается на идеи внутренней, или «интраперсональной», коммуникации Р. О. Якобсона и «автокоммуникации» Ю. М. Лотмана.

Таким образом, можно определить **поэтический дискурс** (далее ПД) как совокупность поэтических высказываний (текстов), которые характеризуются специфической референцией к художественной реальности и плану выражения, особой формой поэтического «Я», комплексными стратегиями субъективации и адресации. Отношения между элементами высказывания обусловлены нелинейной композиционной структурой художественного текста, связанной вертикальным членением, намеренным выбором и расположением автором слов, что влияет на смыслообразование текста и формирует неузуальные парадигматические, синтагматические и семантические отношения.

---

¹ Подробнее об архивных открытиях Бенвениста см. [Laplantine, 2008; Feshchenko, 2020].

Обращение к **прагматике поэтического дискурса** связано с тем, что в отличие от синтактики и семантики поэтического текста, это «измерение» языка менее изучено. Особое значение имеет исследование прагматики поэтического дискурса в аспекте лингвокреативности. Среди различных подходов к проблеме языкового творчества в языке необходимо отметить исследования, направленные на классификацию видов креативности в разных модусах выражения языка и в разных типах дискурса. Это прежде всего выделение «языкового творчества» и «речевой креативности» в работе В. З. Демьянкова [2009], оппозиция «алгоритмического – эвристического» типов дискурса у О. К. Ирисхановой [2014], креативность, реализуемая «коллективной личностью (социумом, народом)» и «индивидуальной личностью» у И. В. Зыковой [2017]. Особую важность для нашего исследования представляет выделение теоретических оснований художественного дискурса и связанное с этим разграничение понятий эстетической лингвокреативности, или лингвоэстетики, характерной для художественного дискурса, и эвристической лингвокреативности, или лингвоэвристики, характерной для научного дискурса, в работе В. В. Фещенко [2020, с. 103].

В отличие от других типов дискурса (рекламного, политического и научного), для которых характерна «дискурсивная» креативность, поэтический дискурс ориентирован на «языковую креативность» как направленность на «создание новых, уникальных языковых единиц и модификацию отношений между ними с целью кардинальной трансформации языковой системы», «активизацию межуровневого взаимодействия и контекстуально обусловленных функциональных переходов», что связано с доминированием в нем эстетической функции [Соколова, 2020, с. 124].

2. Креативный потенциал дискурсивных слов как средств реализации поэтических коммуникативных стратегий

Истоки изучения «дискурсивных маркеров» (далее ДМ), или «дискурсивных слов» (далее ДС)², восходят к работам З. Харриса, который одним из первых начинает употреблять «дискурс» как лингвистический термин

---

² В лингвистике до сих пор не выработано унифицированной терминологии для определения этой группы языковых единиц: «mots de discours», «discourse markers», «pragmatic markers», «discourse particles», «дискурсивные слова», «дискурсивные маркеры», «дискурсивные единицы», «дискурсивы», «коннекторы», «релятивы», «функтивы» и др.

(«Discourse Analysis», 1952). Далее, М. Халлидей и Р. Хасан, изучая текстовую когезию, выделили три основные функции языка: «идеационную», «межличностную» и «текстуальную» [Halliday, Hasan, 1976, с. 26]. Не употребляя термина «дискурсивные маркеры», М. Халлидей и Р. Хасан обратились к исследованию функциональных слов как маркеров когезии.

Дальнейшие исследования ДМ англо-американского направления представлены работами Д. Шиффрин, Б. Фрейзера, Д. Блэкмор, К. Хайланда, Я. Машлер и др. Развивая идеи М. Халлидея и Р. Хасан, Д. Шиффрин понимает под дискурсивными маркерами компоненты, организующие высказывание на уровне «локальной» и «глобальной» когерентности, обладающие функциями синтаксической незакрепленности, рядом различных просодических контуров и индексальностью [Schiffrin, 1987, p. 322–325]. Учитывая разработки Д. Шиффрин, мы опираемся на концепцию Б. Фрейзера, который предлагает классификацию «прагматических маркеров» (*pragmatic markers*), не включая в нее союзы [Fraser, 1999]. Важным для нашего исследования также является предложенное Я. Машлер понимание «скалярной» природы ДМ, которые могут быть метаязыковыми в меньшей степени (союзы) и в большей степени (дискурсивные маркеры) [Maschler, 1994]. Выделяя в качестве основного фокуса ДМ метаязыковое общение (*metalinguaging*), исследователи отмечают, что «вместо отсылки к внеязыковой области, дискурсивные маркеры относятся к области *текста*, к *межличностным* отношениям между его участниками (или между говорящим и текстом) и / или к *когнитивным* процессам» [Maschler, Schiffrin, 2015, p. 194].

Значимыми для нас также являются отечественные исследования функциональных слов, заложенные в работах В. В. Виноградова и Л. В. Щербы, концепции «шифтеров» Р. О. Якобсона [1972], «эгоцентрических слов» Ю. С. Степанова [1985] и Т. В. Падучевой [2019]. В 1990-е гг. при реализации совместного проекта русских и французских лингвистов (Д. Пайара, А. Н. Баранова, А. Д. Плунгяна, Е. В. Рахилиной и др.) был введен в научный оборот термин «дискурсивные слова» (*mots du discours* [Ducrot, 1980]) и разработан контекстно-семантический подход для их описания [Баранов и др., 1993; Дискурсивные слова..., 1998].

Учитывая существующие подходы к исследованию ДС, мы обозначаем их как класс единиц, возникших в языке в результате перехода из знаменательных и служебных частей речи в функциональный класс речевых единиц, выражающих интенции, эмоциональную и дискурсивную стратегию участника коммуникации (в том числе поэтической коммуникации). Для

данных единиц характерны грамматическая неизменяемость, ослабление синтаксических связей и денотативного значения.

Обращаясь к **функциям ДС в поэтическом дискурсе**, можно отметить, что эти единицы несут иллокутивную нагрузку (выражают коммуникативное намерение говорящего), направленную на формирование прагматической позиции говорящего, который выступает в роли не только субъекта, но и адресата высказывания (автокоммуникация, автореференция). ДС структурируют развитие дискурса в процессе коммуникации в естественном дискурсе и автокоммуникации – в поэтическом дискурсе. В современной поэзии эти единицы являются частью процедур, направленных на самоидентификацию автора и преодоление стандартных моделей коммуникации с помощью «1) нарушения когезии и когерентности; 2) редукции индексов мены коммуникативных ролей; 3) деавтоматизации восприятия сообщения адресатом; 4) использования окказиональных элементов, разрушающих иерархию семантически и коммуникативно значимых компонентов» [Соколова, 2019, с. 241].

3. Типология ДС в поэтическом (и художественном) дискурсе

Современные классификации ДС опираются на две основные интенции говорящего: регулирование интеракции и организацию внутренней структуры высказывания. В основе дихотомических классификаций ДС лежит, с одной стороны, концепция языковых функций М. Халлидея и Р. Хасан, выделяющих две функции («межличностную» и «текстуальную»), не ориентированные на описание пропозиционального содержания; а с другой стороны, теория грамматикализации Э. Трауготт, выявившей тенденцию к изменению значения в сторону повышения абстрактности, субъективации, интерсубъективации и появления метатекстовых функций при трансформации лексической единицы языка в грамматическую [Traugott, 1995].

Двунаправленность модальных значений соответствует основным видам референции, по М. Халлидею – Р. Хасан, «экзофорической», или «ситуационной», референции к «контексту» и «эндофорической», или «текстуальной», референции, структурированной грамматически [Halliday, Hassan, 1976].

Учитывая автореференциальность поэтического высказывания в современной поэзии, можно выделить следующие **функционально-семанти-**

ческие группы ДС: 1) метатекстовые, 2) контекстуальные³ (или относящиеся к художественной коммуникативной ситуации) и 3) интра- / интерперсональные.

1. **Метатекстовые ДС** относятся к эндофорической, или внутритекстовой, референции, структурируют процесс коммуникации с точки зрения грамматической связности и логической последовательности.

В поэзии способность ДС структурировать высказывание отличается от обыденного дискурса: они служат не столько коннекторами, организующими синтагматическую связь, сколько компонентами нелинейной организации поэтического текста, которые приобретают особую значимость в связи с проекцией в поэтическом тексте «оси селекции на ось комбинации» (по Р. О. Якобсону).

2. **Контекстуальные ДС**, служащие для отсылки к художественной коммуникативной ситуации, относятся к экзофорической, или внешнеконтекстуальной, референции, выражают отношение говорящего к коммуникативной ситуации и остальным параметрам коммуникативного акта.

3. **Интра- / интерперсональные ДС** – группа слов, обладающих двойной референцией, имеющих внутреннюю и внешнюю направленность в зависимости от коммуникативной цели высказывания; употребляются в контекстах, направленных на адресата (или автоадресата, поэтическое «я»).

В силу своей полифункциональности ДС могут относиться к нескольким группам одновременно, различаясь только контекстуально. Если интерперсональные ДС обращены к возможным внешним адресатам, то интраперсональные ДС выражают автокоммуникативные отношения (отношение к собственному «я», которое сочетается в контексте с формами дейксиса первого лица), они также могут включаться в псевдиdialogические конструкции, моделировать ситуации прямого диалога с читателем и сопровождаться маркерами гезитации как показателями 'авторереференциальной агрессии', направленной на субъект высказывания [Захаркив, 2019].

Далее мы рассмотрим выделенные выше группы на материале текстов современной русскоязычной поэзии 1990–2010-х гг.

---

³ Выше мы говорили об авторереференциальности поэтического дискурса как о направленности сообщения на самого себя на макро- и микроуровне. При выделении контекстуальной группы мы включаем в нее единицы, указывающие на пространство поэтической коммуникации.

4. Неконвенциональное функционирование ДС в современной поэзии

Для сравнения языковых процессов в поэтическом и других дискурсах были привлечены данные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Данные авторского поэтического корпуса (далее АПК) были обработаны с помощью программы *AntConc*, что позволило автоматически извлечь и отсортировать данные в количестве 50 ДС в русскоязычном корпусе (из первоначального списка в количестве 200 единиц). Затем все данные прошли редактирование и индивидуальную обработку с целью отделения дискурсивных единиц от недискурсивных, что составило общее количество употреблений 5 830 (из $\approx 9\ 000$ употреблений в целом, дискурсивных и недискурсивных).

Обратимся к более подробному анализу двух групп ДС: метатекстовых и интра- / интерперсональных. Выбор этих двух групп связан с тем, что их выделение восходит к классификациям ДМ, сформированным в классических работах, которые были рассмотрены выше, что позволит нам выявить разницу между обыденным и поэтическим функционированием маркеров.

Метатекстовые ДС

К этой группе относятся единицы с прагматическим значением причинно-следственной связи, обобщения, вывода (*итак, следовательно, вообще, так*); детализации (*кроме того, наконец*) и противопоставления (*тем не менее, с другой стороны*). В данном исследовании мы подробнее рассмотрим *следовательно*, поскольку примеры с этой единицей наиболее показательны в выявлении креативного потенциала прагматики поэтического дискурса.

Следовательно

Употребление

АПК: 28 (употреблений) : 665 739 (всего слов)

НКРЯ: 24 085 (употреблений) : 321 712 061 (всего слов)

Лексикографическое описание (значение)

Присоед. Употр. для присоединения слов, словосочетаний или части сложносочиненного предложения и указывает на то, что их содержание является выводом, который основывается на том, о чем сообщается в предыдущей части (ОСлРЯ, 2003, с. 319). Син.: *значит, вследствие этого, в силу этого, поэтому* (книжн.) (присоединяет чл. предл. и предл. со зн.

следствия). *Итак, отсюда следует, значит* (в начале реплики; разг.). *Следовательно, я прав?* (БТС, 2004, с. 1006).

Конвенциональное функционирование (НКРЯ)

В конвенциональном употреблении *следовательно* указывает на причинно-следственную связь мыслей, логическую последовательность их изложения: *Как правило, перемещения на относительно короткие расстояния менее чувствительны к экономическим условиям по сравнению с перемещениями на большие расстояния. Следовательно, в условиях кризиса этот вид перемещений оказался менее уязвимым* (Снижение масштабов внутренней миграции населения в России // Вопросы статистики, 2004).

Функционирование в поэтическом дискурсе (АПК)

В примере (1) мы также видим последовательность паратаксических построений, формально отображающих логическую структуру текста, однако при высокой скорости смены значений денотация ДС *следовательно* «опустошается» (в терминологии И. А. Шаронова [2008]), приобретая исключительно прагматическое значение, проявленное в функциональной реализации:

- (1) Он бросил собаку что неожиданно
Собака ест птицу **следовательно**
- Она парит в воздухе kua kai he kuli emanu
Ты съешь собаку без перевода
- Пуля покидает тело сворачивается время
Птица видит мальчика собака летит –
Человек смертен искусство огромно
(А. Драгомощенко)
- (2) [...] Не забывай мертвых.
Убежден, их много. Городов, мертвых и пр. Но что
правильно?
Кому это? Тем, кто не выбрался? **Следовательно** – куда?
Те, что с годами утрачивают «связь друг с другом»?
(А. Драгомощенко)

Поэзию А. Драгомощенко можно рассматривать в качестве «поэзии апорий», интерпретация которых не представляется возможной в рамках позитивистского знания [Скидан, 2011]. Мы говорим о последнем благодаря активному включению элементов научного дискурса и в том числе терминологии «точных наук» в эти тексты. Можно предположить, что на

глобальном уровне дискурса (или макроуровне, по Т. ван Дейку) посредством неконвенционального употребления дискурсивных слов, коррелирующих с научным дискурсом и соседствующих с соответствующей академической лексикой, в этой поэзии рефлексруется проблема невозможности исчерпывающего описания реальности.

Такой тезис подтверждается и последующим приведением глоссов из полинезийского разговорника (пример 1), трансформируемых в данном контексте в поэтическую (автореференциальную – направленную саму на себя) материальность, в которую вплетается афоризм Гиппократа, также несколько преобразованный, со смещенным противопоставлением: в оригинальной цитате⁴ представлены прямые антонимы (*brevis – longa*). В варианте поэта антитеза нарушена (*смертен – огромно*), что отражает идею модификации истинностной валентности в поэтическом высказывании [Золян, 2014] при сохранении структурных принципов организации текста.

С. Т. Золян развивает мысль об истинностном значении поэтических высказываний, семантика которых принципиально «открыта» с точки зрения категории истинности. Для обоснования этого тезиса в поэзии привлекается понятие модальности поэтических («допустимых») миров, чья референция может быть прослежена в других мирах, в том числе в актуальном (и его различных альтернативах), в силу их связи друг с другом определенным модальным отношением [Там же, с. 119]. Основываясь на данном положении, мы можем сопоставить специфику поэтической семантики со спецификой поэтической прагматики, представленной в нашем случае в примерах неконвенционального употребления ДС, чья валентность здесь также постоянно модифицируется в трех языковых измерениях (семантическом, синтаксическом и прагматическом).

Примером такой «валентностной» модификации служит пример (2), в котором представлен ряд риторических вопросов с неполными конструкциями в форме интеррогативной парцелляции. *Следовательно* в этом примере апеллирует не к следствию из предыдущего высказывания, а к неочевидной последовательности этапов мыслительной операции рассуждения. Сначала задается вопрос об объекте высказывания (*кому?*) и далее о его предикате (*выбрался*), и поэтому (*следовательно*) очередным этапом этой множественной интеррогации представляется вопрос, связанный с обстоятельством места (*куда?*). Также заметим, что, согласно словарной помете (БТС, 2004, с. 1006), *следовательно* сближается с разгово-

⁴ Vita brevis, ars longa (лат.) – ‘Жизнь коротка, искусство [наука] длинно’.

ным употреблением, если помещается в начале реплики. Таким образом, рассматриваемое ДС маркирует имплицитное обращение к адресату, что подтверждается темпоральностью всего высказывания, выраженной формами настоящего времени, нулевыми глагольными связками (режим первичного дейксиса). Императив в начале цитаты указывает на то, что вопросы задаются в качестве ответной реплики (опять же нарушая привычную логику последовательности «вопрос – ответ»), из чего можно заключить, что перед нами пример поэтической автокоммуникации.

Толкование в поэтическом дискурсе (ПД)

В ПД единица *следовательно* выражает модификацию (перезадаанность) причинно-следственной связи и истинностной валентности: поэтическая модальность противопоставлена утилитарной языковой референциальности. Также поэтическое употребление *следовательно* включает в себя нарушение сочетаемости, направленное на метаязыковую рефлексию, участие в реактивных неполных интеррогативных конструкциях, реализующих автокоммуникацию с обратной последовательностью реплик.

Интра- / интерперсональные ДС

Мы используем термин «интраперсональные ДС» в силу автокоммуникативной ориентации поэтического дискурса, когда субъект высказывания выступает в качестве безусловного адресного объекта. При этом мы подчеркиваем, что граница между интра- и интерперсональной нацеленностью соответствующих ДС аналитически не определяется однозначно. Современная поэзия характеризуется высокой частотностью *tu*-центрических единиц⁵, участвующих в моделировании диалогической ситуации, что во многом связано с основным каналом реализации поэтического сообщения – социальными сетями. Тем не менее, мы учитываем, что, апеллируя к адресату, *tu*-центрические единицы содержат указание на говорящего, поэтому можно сказать, что *tu*-центричность связана с эгоцентричностью как с предпосылкой.

Учитывая полифункциональность ДС в целом, мы разграничиваем две подгруппы интра- и интерперсональных слова на основании грамматических показателей, хотя отдельные единицы могут принадлежать и к той, и к другой подгруппе в зависимости от контекста. К подгруппе интрапер-

---

⁵ *Tu*-центрическими называются слова и конструкции, семантика которых включает отсылку к адресату речи [Падучева, 2019].

сональных относятся маркеры hesitation, междометия (*ах, ох, боже, ну*), метатекстовые единицы, которые выражают метаязыковую рефлексию субъекта (*вернее, короче, точнее, скорее*), метатекстовые маркеры в форме глаголов 1 л. ед. и мн. ч. (*думаю, скажем*). Подгруппа интерперсональных маркеров включает реактивные единицы (*да-нет, хорошо, пожалуйста, конечно*), метатекстовые маркеры в форме глаголов 2 или 3 л. ед. и мн. ч. (*говорят, известно, знаешь, понимаешь, видишь*), в том числе в форме грамматикализованных императивов (*смотри(те), слушай(те)*).

Мы рассмотрим подробнее функциональную реализацию единицы *да*, основываясь на специфике ее употребления в ПД, проявленной в формировании реакции подтверждения-возражения, указывающей на невозможность дать положительный или отрицательный ответ, что, в свою очередь, связано с участием в автокоммуникативном конфликте, а также с направленностью на множественного адресата. Таким образом, данная единица реализует двойную референцию к внутренней и внешней поэтической коммуникации.

Да

Употребление

АПК: 128 : 665 739

НКРЯ: 107868 : 321 712 061

Ср. с *Нет*: АПК: 219 : 665 739

НКРЯ: 101904: 321 712 061

Лексикографическое описание

(1) Употр. при ответе для выражения утверждения, согласия (ТС, 2008–2017). (2) Употр. в начале повествовательного высказывания обобщающе-глубокомысленного характера для выражения того, что приводимое утверждение является плодом размышлений: «Да, удивительная это штука – история» (ОСЛРЯ, 2003, с. 90).

Конвенциональное функционирование (НКРЯ)

Все здесь? – *Да*. Ты меня понял? – *Да*. (ТС, 2008–2017)

[Helterskelter] *Да*, спорить бесполезно, фильм и вправду худший из творений Спилберга (коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011)).

Функционирование в поэтическом дискурсе (АПК)

(3) что наводит на размышление о пресловутых
«нужной клавише и нужном

времени». Все, за исключением двух центральных фигур. Что это? Айзенштадтовский «Поцелуй»?

Нет, хотя и **да**. **Да**, но и **нет**, потому что не может быть.
(А. Драгомощенко)

(4) Потому что Брехт, не будучи профессиональным философом, с трезвой ясностью и сарказмом показал логику перерастания капитализма в фашизм, и этот показ сохраняет свою эвристическую силу? **Да**, но не только (А. Скидан).

(5) [...] а я уж неделю терзаюсь: сказать – не сказать, **да** или **нет**? (Х. Закиров)

(6) я поняла в чём дело
всё округляется
да-нет
(Н. Денисова)

Диалогизация монологической художественной речи отсылает к проблеме адресации поэтической коммуникации. Поэтическая коммуникация, отмеченная высокой степенью автореференциальной рефлексии, имитируя внутреннюю речь, тем не менее, не является ею в полной мере. Так, перенос параметров анализа коммуникативного акта на характеристику поэтического текста нерелевантен и требует учета существующих между ними принципиальных отличий, однако подход к поэтическому произведению как к особому виду коммуникации мотивировал рассмотрение «фактора адресата» [Арутюнова, 1981] в художественном дискурсе. В данном случае формальным адресатом текста выступает поэтический субъект в силу автокоммуникативной ориентации поэтического высказывания, и всё же высказывание в равной степени производится ради других (читателей) – к которым он также адресован. С другой стороны, при таком формально «одностороннем диалоге» читателю отводится место незримо присутствующего слушателя или наблюдателя. Исходя из этих рассуждений, заключим, что граница между интра- / и интеркоммуникацией в поэтическом дискурсе размыта.

Возвращаясь к прагматическому аспекту, проявленному на уровне употребления ДС *да*, отметим моделирование трехэтапной структуры: ДМ, которые обычно используются в непосредственной речевой интеракции, помещаются в речь, выстроенную как внутреннее рассуждение, которое, в свою очередь, предназначено для внешнего актанта (читателя). Добавим, что активное включение антонимических междометий (*да*, *нет*) служит

показателем автокоммуникативного конфликта, формально отсылающего к коммуникативной стратегии возражения под видом согласия [Булыгина, Шмелев, 1997], реализующегося под этикеткой «да, но». Однако в поэтическом дискурсе эта формула скорее трактуется как реакция, транслирующая невозможность однозначно положительного или отрицательного ответа. Похожий эффект внутреннего противоречия под видом частичного согласия достигается в примерах (3, 4) и сомнения с равноценными вариантами решения в примере (5). Также укажем на тенденцию к депрагматизации ДС (6), в рамках ПД не осуществляющих зафиксированной за ними в конвенциональной коммуникации интенции согласия-отрицания / подтверждения-возражения (согласно первому кругу употреблений, приводимых в (ТС, 2008–2017)). Однако такое употребление единиц со «снятой» базовой прагматической функциональностью всё же ретроспективно отсылает к их первоначальному, реактивному использованию, выражая рефлексию автором проблемы бинарности мышления / коммуникации / действительности.

Толкование в ПД

ДС *да* в поэтической коммуникации часто употребляется в первом его значении: для выражения согласия – в основном частичного или неоднозначного, неполного подтверждения. В ПД *да* формирует реакцию подтверждения-возражения, указывающую на невозможность дать положительный или отрицательный ответ, что, в свою очередь, связано с характером поэтической коммуникации, когда высказывание направлено на множественного адресата (включая внутреннего). Таким образом, ДС *да* участвует в автокоммуникативном конфликте при осуществлении интер- / интраперсонального речевого взаимодействия, достигая эффекта неоднозначности как в контексте внутреннего рассуждения актанта, так и в отношении внешней адресной функции высказывания. Следовательно, данная единица реализует двойную референцию к внутренней и внешней поэтической коммуникативной ситуации. Также отметим, что речевая интенция возражения под видом согласия в ПД модифицируется в выражение принципа интенциональной неоднозначности.

Таким образом, прагматический анализ ДС в поэтическом дискурсе показал особенности функционирования этих единиц как участников процедур, направленных на реализацию поэтических коммуникативных стратегий: самоидентификацию автора и преодоление стандартной коммуникации. В статье сформирована функционально-семантическая типология

ДС, включающая три группы единиц: метатекстовые, контекстуальные и интраперсональные. Проведенный анализ позволил выявить различные аспекты креативного функционирования ДС в поэтическом дискурсе, включая способность к депрагматикализации, двойную референцию и реализацию принципа интенциональной неоднозначности.

Список литературы

- Арутюнова Н. Д.* Фактор адресата // Изв. АН СССР. Серия литературы и языка. 1981. Т. 40, № 4. С. 356–367.
- Баранов А. Н., Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Путеводитель по дискурсивным словам русского языка. М: Помовский и партнеры, 1993. 207 с.
- Булыгина Т. В., Шмелев А. Д.* Возражение под видом согласия // Облик слова: Сб. ст. памяти Д. Н. Шмелева. М., 1997. С. 44–73.
- Витгенштейн Л.* Философские исследования. М.: АСТ, 2018. 352 с.
- Демьянков В. З.* Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством. М., 2009. С. 11–19.
- Дискурсивные слова русского языка: опыт контекстно-семантического описания:* Сб. ст. / Под ред. К. Киселевой, Д. Пайара. М.: Метатекст, 1998. 447 с.
- Захаркив Е. В.* Дискурсивные слова в современной русской поэзии: креативное vs обыденное словоупотребление // Сборник Матице српске за славистику. 2019. № 96. С. 177–196.
- Золян Т. С.* Семантика и структура поэтического текста. М.: УРСС, 2014. 336 с.
- Зыкова И. В.* Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.
- Ирисханова О. К.* Игры фокуса в языке: семантика, синтаксис и прагматика дефокусирования. М.: Языки славянской культуры, 2014. 320 с.
- Падучева Е. В.* Эгоцентрические единицы языка. М.: Языки славянских культур, 2019. 440 с.
- Познер Р.* Рациональный дискурс и поэтическая коммуникация: методы лингвистического, литературного и философского анализа. Томск, 2015. 296 с.
- Скидан А.* АТД: возможность иного // А. Драгомощенко «Тавтология». М.: НЛЮ, 2011. С. 5–12.
- Соколова О. В.* Дискурс-«логофаг»: границы лингвокреативности и стереотипности в рекламе // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 114–142.

Соколова О. В. От авангарда к неоавангарду: язык, субъективность, культурные переносы. М.: Культурная революция, 2019. 294 с.

Степанов Ю. С. В трехмерном пространстве языка: Семиотические проблемы лингвистики, философии, искусства. М.: Наука, 1985. 336 с.

Фещенко В. В. От лингвоэстетики к лингвоэвристике: словотворчество в художественном и научном дискурсах // Критика и семиотика. 2020. № 1. С. 92–113.

Шаронов И. А. Междометия в речи, тексте и словаре. М.: Изд-во Рос. гос. гуманитар. ун-та, 2008. 292 с.

Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М.: Прогресс, 1975. С. 193–231.

Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95–113.

Ducrot O. Les Mots du discours. Paris, 1980. 241 p.

Fraser B. What Are Discourse Markers? // Journal of Pragmatics. 1999. Vol. 31. P. 931–952.

Feshchenko V. V. The performative turn in philosophy and verbal art: Moscow conceptualism's linguistic (non-?)creativity // Сборник Матице српске за славистику. 2020. No. 97. P. 87–104.

Halliday M. A. K., Hasan R. Cohesion in English. Longman Group Ltd, 1976. 374 p.

Laplantine C. Emile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. Paris: Université Paris 8, 2008. 328 p.

Maschler Y. Metalanguaging and discourse markers in bilingual conversation // Language in Society. 1994. Vol. 23, no. 3. P. 325–366.

Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context // The handbook of discourse analysis. Ed. by D. Tannen, H. E. Hamilton & D. Schiffrin. Eilley Blackwell, 2015. Vol. 1. P. 189–221.

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1987. 364 p.

Traugott E. C. Subjectification in grammaticalisation // Subjectivity and Subjectivisation: Linguistic Perspectives. Eds. D. Stein, S. Wright. Cambridge: Cambridge Uni. Press, 1995. P. 31–54.

Список словарей

БТС – Большой толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. М.: АСТ, Астрель, 2004. 1268 с.

ОСЛРЯ – Объяснительный словарь русского языка. Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В. В. Морковкина. М.: Астрель, АСТ, 2013. 421 с.

ТС – Толковый словарь С. И. Ожегова онлайн. 2008–2017. URL: <https://slovarozhegova.ru/> (дата обращения 10.03.2021).

References

Arutyunova N. D. Faktor adresata [The addressee's factor]. *News of the USSR Academy of Sciences. A series of literature and language*, 1981, vol. 40, no. 4, pp. 356–367. (in Russ.)

Baranov A. N., Plungyan V. A., Rakhilina E. V. Putevoditel' po diskursivnym slovam russkogo yazyka [A guide to the discursive words of the Russian language]. Moscow, 1993, 207 p. (in Russ.)

Bulygina T. V., Shmelev A. D. Vozrazhenie pod vidom soglasiya [Objection under the guise of consent]. In: *Image of the word. Collection of Sci. Art.* Moscow, 1997, pp. 44–73.

Demyankov V. Z. Yazykovoie tvorchestvo i rechevaya kreativnost' [Linguistic creativity and speech creativity]. In: *Language as a mediator between knowledge and art.* Moscow, 2009, pp. 11–19. (in Russ.)

Ducrot O. *Les Mots du discours*. Paris, 1980, 241 p.

Feshchenko V. V. From linguo-aesthetics to linguoheuristics: word creation in artistic and scientific discourses. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, pp. 92–113. (in Russ.)

Feshchenko V. V. The performative turn in philosophy and verbal art: Moscow conceptualism's linguistic (non-?)creativity. *The works of Matica Srpska for Slavic Studies*, 2020, no. 97, pp. 87–104.

Fraser B. What Are Discourse Markers? *Journal of Pragmatics*, 1999, vol. 31, pp. 931–952.

Halliday M. A. K., Hasan R. *Cohesion in English*. Longman Group Ltd, 1976, 374 p.

Iriskhanova O. K. Igrы fokusa v yazyke: semantika, sintaksis i pragmatika defokusirovaniya [Focus games in language: semantics, syntax and pragmatics of defocusing]. Moscow, 2014, 320 p. (in Russ.)

Jakobson R. O. Lingvistika i poetika [Linguistics and poetics]. In: *Structuralism: "for" and "against"*. Moscow, 1975, pp. 193–231. (in Russ.)

Jakobson R. O. Shiftery, glagol'nye kategorii i russkiy glagol [Shifters, verb categories and the Russian verb]. In: Principles of typological analysis of languages of various systems. Moscow, 1972, pp. 95–113. (in Russ.)

Kiseleva K., Payar D. (eds.) Diskursivnye slova russkogo yazyka: opyt kontekstno-semanticheskogo opisaniya [Discursive words of the Russian language: An experience of contextual-semantic description]. Collection of Sci. Art. Moscow, 1998, 447 p. (in Russ.)

Laplantine C. Emile Benveniste : poétique de la théorie. Publication et transcription des manuscrits inédits d'une poétique de Baudelaire. Paris, Université Paris 8, 2008, 328 p.

Maschler Y. Metalanguaging and discourse markers in bilingual conversation. *Language in Society*, 1994, vol. 23, no. 3, pp. 325–366.

Maschler Y., Schiffrin D. Discourse Markers: Language, Meaning, and Context. In: The handbook of discourse analysis. Eds. D. Tannen, H. E. Hamilton & D. Schiffrin. Eilley Blackwell, 2015, vol. 1, pp. 189–221.

Paducheva E. V. Egotsentricheskie edinitsy yazyka [Egocentric units of language]. Moscow, 2019, 440 p. (in Russ.)

Posner R. Ratsional'ny diskurs i poeticheskaya kommunikatsiya: metody lingvisticheskogo, literaturnogo i filosofskogo analiza [Rational Discourse and Poetic Communication: Methods of Linguistic, Literary and Philosophical Analysis.] Tomsk, 2015, 296 p. (in Russ.)

Schiffrin D. Discourse Markers. Cambridge, 1987, 364 p.

Sharonov I. A. Mezhdometiya v rechi, tekste i slovare [Interjections in speech, text and dictionary]. Moscow, 2008, 292 p. (in Russ.)

Skidan A. ATD: vozmozhnost' inogo [ATD: the possibility of something else]. In: Dragomoshchenko A. Tautology. Moscow, 2011, pp. 5–12. (in Russ.)

Sokolova O. V. Ot avangarda k neoavangardu: yazyk, sub"ektivnost', kulturnye perenosy [From avant-garde to neo-avant-garde: language, subjectivity, cultural transfers]. Moscow, 2019, 294 p. (in Russ.)

Sokolova O. V. Discourse “logophagus”: the boundaries of linguocreativity and stereotypes in advertising. *Critique and Semiotics*, 2020, no. 1, pp. 114–142. (in Russ.)

Stepanov Yu. S. V trekhmernom prostranstve yazyka: Semioticheskie problemy lingvistiki, filosofii, iskusstva [In the three-dimensional space of language: Semiotic problems of linguistics, philosophy, art]. Moscow, 1985, 336 p. (in Russ.)

Wittgenstein L. Filosofskie issledovaniya [Philosophical Investigations]. Moscow, AST, 2018, 352 p. (in Russ.)

Zakharkiv E. V. Diskursivnye slova v sovremennoy russkoy poezii: kreativnoe vs obydennoe slovoupotreblenie [Discursive words in modern Russian poetry: creative versus common usage]. *The works of Matica Srpska for Slavic Studies*, 2019, no. 96, pp. 177–196. (in Russ.)

Zolyan T. S. Semantika i struktura poeticheskogo teksta [Semantics and structure of poetic text]. Moscow, 2014, 336 p. (in Russ.)

Zykova I. V. Metayazyk lingvokul'turologii: konstanty i varianty [The meta-language of cultural linguistics: constants and variants]. Moscow, 2017, 752 p. (in Russ.)

Информация об авторах

Ольга Викторовна Соколова, доктор филологических наук
Екатерина Васильевна Захаркив, аспирант

Information about the Authors

Olga V. Sokolova, Doctor of Sciences (Philology)
Ekaterina V. Zakharkiv, Post-Graduate Student

*Статья поступила в редакцию 12.06.2021; одобрена после рецензирования
15.07.2021; принята к публикации 17.07.2021*

*The article was submitted 12.06.2021; approved after reviewing 15.07.2021;
accepted for publication 17.07.2021*